

Едва добравшись до входа в Гарнизон, Нин Синчжи услышал окрики стражников, доносившиеся изнутри. Он подошел и слегка постучал в дверь. Двор отворился, являя морщинистое лицо старого привратника, мастера Яна.

Увидев Нин Синчжи, мастер Ян на мгновение замер и лишь спустя пару вдохов пришел в себя:

— Генерал, вы вернулись.

Нин Синчжи бывал здесь нечасто, больше контактируя с молодыми воинами, а с остальными обитателями Гарнизона знаком был поверхностно. Чуть кивнув, он направился на плац, располагавшийся в глубине.

На плацу стражники словно преобразились: забыв о прежней расхлябанности, они усердно занимались по составленной им ранее тренировочной программе. Кожа многих заметно сгорела на солнце, растеряв изнеженный лоск и приобретя мужественные черты. Даже Цзи Сю тренировался в полную силу, совсем не напоминая того избалованного мажора, каким казался с первого взгляда.

Дуань И тоже слегка подрумянился на солнце. Стоя у края плаца, он внимательно следил за ними, то и дело поправляя тех, чьи движения были недостаточно точны. Его суровое лицо выглядело весьма внушительно.

Сейчас стражники отрабатывали базовые элементы, расписанные Нин Синчжи еще месяц назад. Судя по всему, уже можно было переходить ко второму этапу.

Не мешая им, Нин Синчжи сразу прошел в кабинет и принялся за составление новой программы тренировок.

Бездарный прежний император сквозь пальцы смотрел на продажу должностей за взятки, из-за чего государственный аппарат погряз в хаосе и беспорядке. Даже такое ведомство, как стража Фэнчэнь, отвечающее за безопасность самого Сына Неба, представляло собой удручающее зрелище.

Теперь же на престол взошел Не Сюань, и при дворе провели масштабную чистку. Пользуясь случаем, он приструнил многих прежних коррупционеров. Более того, ключевых чиновников с мест Не Сюань потребовал явиться в столицу до праздника Середины осени, объявив о проведении грандиозного пира. На словах — в знак милости и награды, а на деле — для проверки.

Что же касается стражников, Не Сюань, разумеется, не собирался оставлять их без внимания. Большинство бойцов Правой стражи Фэнчэнь прошли строгий отбор, в основном состоящий из лучших выходцев из простых семей. Туда уже внедрили Хань Цуна, и теперь почти весь личный состав должен был находиться под контролем Не Сюаня.

Нин Синчжи был полностью погружен в работу над планом тренировок, когда в кабинет незаметно вошел Дуань И.

В последнее время все служебные дела Гарнизона Дуань И забирал с собой, чтобы Нин Синчжи мог изучить их дома.

Наблюдая за сосредоточенным человеком, склонившимся над столом, Дуань И удивленно произнес:

— Ты как здесь оказался?

После ухода Дуань И стражники начали вытягивать шеи в дверной проем. Услышав о приходе Нин Синчжи, они один за другим не удержались и пришли повидаться, горя желанием похвастаться своими успехами за последнее время.

Нин Синчжи за те дни, что провел в Гарнизоне, уже успел присмотреться к обстановке. Младшие стражники, хоть и были склонны к баловству, злого умысла не имели — всех их вполне можно было оставить.

Служащие постарше после того, как с Ся Фэйгуаном разобрались, тоже стали гораздо смирнее. Только что Нин Синчжи видел, как они послушно занимаются вместе со всеми.

Младшие стражники еще не исчерпали свой потенциал, а если те, кто постарше, продолжают бездельничать, боюсь, в Гарнизоне для них места не останется.

— Что-то случилось? — Дуань И заметил, что лицо Нин Синчжи слегка помрачнело.

Нин Синчжи покачал головой:

— Ничего. В последнее время тебе пришлось нелегко.

Дуань И возразил:

— Что ты такое говоришь? Кстати, вчера из дворца приходили люди. Сказали, что новобранцы стражи уже прибыли в столицу, и в скором времени Ваше Величество проведет смотр на площади перед залом Ханьюань, после чего каждый гарнизон сможет отобрать себе пополнение.

Нин Синчжи коротко бросил:

— Хорошо.

Заметив заминку, Дуань И добавил:

— Позаботься о моей матушке, я в ближайшие дни домой не вернусь.

Дуань И хотел было расспросить подробнее, но, глянув на тяжелое выражение лица Нин Синчжи, в конце концов решил ничего не спрашивать и лишь кивнул:

— Не переживай.

Нин Синчжи тихо откликнулся и больше ничего не сказал.

— Генерал, посмотрите, не крепче ли я стал прежнего?

— И я, и я! Отец наконец-то сказал, что я похож на настоящего мужчину!

— И мой батюшка похвалил, что я обрел человеческий вид!

А Цзи Сю гордо задрал нос:

— А мой дед заявил, что теперь я гожусь для того, чтобы сражаться с врагами!

Наперебой выкрикивали они наперебой, поднимая шум и превращая всё вокруг в оживленный базар.

С улыбкой глядя на эти живые лица, Нин Синчжи словно сам вернулся в беззаботные времена нескольких лет назад. Он поднялся на ноги:

— Неужто и вправду так?

Стражники тут же выпятили груди:

— Истинно так! Мы теперь очень сильны! На днях воины Правой стражи затеяли с нами стычку, так мы их в два счета прогнали!

— Раз так, я хочу это проверить, — Нин Синчжи повел всех на плац, на ходу подбирая с земли деревянную палку. Обведя взглядом строй стражников, он произнес: — Постройтесь как знаете и выступайте против меня.

— А? — стражники переглянулись, смущенно заминаясь. — Нападать толпой на одного — разве это честно?

Нин Синчжи улыбнулся:

— Тогда сначала одолейте меня.

Переглянувшись, стражники последовали его примеру и вооружились длинными шестами. Один дюйм длины — один дюйм превосходства, один дюйм краткости — один дюйм опасности. Хотя на словах они и рассуждали о нечестном бое, упустить шанс победить никто бы не отказался.

Нин Синчжи закрутил шест, рассекая воздух со свистом. Увидев это, стражники вспыхнули боевым азартом:

— Генерал, мы идем!

Бесчисленные бойцы хлынули единой волной, но, не имея слаженного строя, сперва столкнулись лбами друг с другом, повалив немало товарищей. К тому моменту, как они добрались до Нин Синчжи, толпа изрядно поредела.

Нин Синчжи не собирался относиться к ним легкомысленно лишь из-за их малочисленности. Уверкаясь от ударов чужих шестов, он мастерски находил бреши в обороне и контратаковал.

Один за другим раздавались болевые стоны. Большинство стражников уже валялось на земле, но никто из них так и не смог даже задеть Нин Синчжи. Когда последний боец рухнул на землю, Нин Синчжи по-прежнему стоял непоколебимо.

Опираясь на шест и глядя на корчившихся вповалку стражников, он задумчиво произнес:

— Вы стали чуть лучше, чем прежде.

Стоны поверженных стали только громче, но дотронуться до Нин Синчжи так никто и не сумел.

— Ладно, ступайте обедать.

Поскольку все они тренировались все утро, Нин Синчжи особо наказал мастеру Чжу приготовить что-нибудь вкусное.

После полудня стражникам второй смены предстояло отправляться во дворец на смену караула, и Нин Синчжи отправился во дворец вместе с ними.

Он не знал, каким образом Не Сюань объявился вчера в Резиденции генерала — столкнулся ли император с происходящим случайно или же с самого начала обо всем ведал и заглянул намеренно. В любом случае, он был обязан дать Не Сюаню объяснения.

Оказавшись за дворцовыми стенами, Нин Синчжи не стал сразу направляться в Зал Цзычэнь: в это время суток Не Сюань обычно отдыхал. Проинспектировав посты вместе со стражниками, он выдвинулся туда лишь после.

Замлев перед Залом Цзычэнь, Нин Синчжи глубоко вздохнул. Едва он поднялся на крыльцо, как нос к носу столкнулся с выходящим из дверей молодым человеком в простом черном халате ничем не примечательной наружности.

Юношу звали Чжао Инь, он возглавлял отряд тайных стражей, специально возвращенных семьей покойной императрицы для защиты Не Сюаня. Подчиняясь напрямую будущему императору, эти люди численностью чуть более ста человек были рассредоточены по всей стране. Нин Синчжи доводилось видеть их нечасто, а после восшествия Не Сюаня на престол они и вовсе пропали из виду.

Проводив Чжао Иня взглядом, Нин Синчжи попросил дежурившего у входа евнуха доложить о его приходе. Тот вернулся спустя мгновение и с почтением произнес:

— Ваше Величество изволит ждать генерала внутри.

Приближенные Не Сюаня в основном состояли из старых слуг Восточного дворца. В отличие от заносчивых слуг времен прежнего императора, они не позволяли себе выказывать неуважение к Нин Синчжи. Им было известно о прошлом Не Сюаня и Нин Синчжи: хотя сейчас казалось, что император прессует Нин Синчжи по чем зря, монаршие замыслы неисповедимы, и вздумай они относиться к гостю небрежно — в конце концов им самим пришлось бы горько пожалеть.

Когда Нин Синчжи вошел, Ван Фуси со знанием дела увел всех остальных. В передней палате из обслуживающего персонала остался только он один.

Не Сюань был полностью поглощен чтением докладов. Подождав немного и заметив, что Нин Синчжи так и стоит на месте, он бросил:

— Что такое? Или мне самому пригласить тебя подойти?

Нин Синчжи приблизился. Не Сюань приказал:

— Растирай тушь.

Взяв брусок алой туши, Нин Синчжи сосредоточенно принялся за работу, а его мысли невольно унеслись далеко назад.

В последний раз он растирал тушь для Не Сюаня три года назад. Тогда Нин Синчжи плохо слушал лекции Великого наставника Вэнь, и тот заставил его переписывать статьи в наказание. Нин Синчжи сидел над свитками далеко за полночь, борясь со сном при тусклом свете масляной лампы.

Встав посреди ночи, Не Сюань увидел, что в комнате Нин Синчжи все еще горит свет, и заглянул проверить, почему тот не ложится. В итоге он застал соседа с закрытыми глазами: Нин Синчжи клевал носом прямо над бумагой, а на пергаменте уже вовсю красовались каракули.

Позже Не Сюань поднял его и сам принялся переписывать текст за него, пока Нин Синчжи стоял рядом и растирал тушь. К моменту, когда переписывание подошло к концу, уже минула полночь, и Не Сюань остался ночевать в комнате Нин Синчжи.

В ту ночь Нин Синчжи, несмотря на жуткую усталость, пролежал с открытыми глазами до самого рассвета, глядя на лежащего рядом Не Сюаня.

— О чем ты думаешь? — Не Сюань нахмурился, заметив брызги алой туши, упавшие на императорский стол.

— А? — Нин Синчжи очнулся от воспоминаний. Увидев испачканную столешницу, он торопливо достал платок, собираясь вытереть пятно.

Перехватив его за запястье, Не Сюань пристально посмотрел ему в глаза и чеканя каждое слово повторил:

— Я задал тебе вопрос: о чем ты думал?

— Я... — Нин Синчжи опустил взгляд и смолчал.

Не Сюань поднялся с места, резко подавшись вперед и пригвоздив его взглядом:

— О той девице сжалился? О вчерашней мисс Чэнь думаешь?

— Нет, — с порога отрезал Нин Синчжи.

— Значит, о том, что я помешал твоим утехам.

Нин Синчжи поспешно замотал головой.

Тогда Не Сюань произнес:

— Выходит, размышляешь, как бы половчее выпросить у меня дозволение на свадьбу.

Нин Синчжи поднял глаза на Не Сюаня:

— Я люблю Ваше Величество. Всё, о чем я думаю и к чему стремлюсь — всё принадлежит только вам.

Дыхание Не Сюаня едва заметно сбилось, а пальцы, сжимавшие запястье Нин Синчжи, невольно сильнее впились в кожу:

— Нин Синчжи, то, что ты говоришь — чистой воды шутка.

Если бы тот действительно любил его, разве поступил бы с ним так в прошлом? То, что он до сих пор не лишил Нин Синчжи жизни, само по себе было высшим проявлением милосердия; за содеянное Нин Синчжи любой другой на месте императора уже давно был бы предан мучительной смерти.

Нин Синчжи горько усмехнулся. Он понимал, что именно кроется за словами Не Сюаня: окажись он на месте императора, то наверняка тоже усомнился бы, сколько в этой любви искренности, а сколько — фальши. У него было тысячи слов, которые хотелось высказать Не Сюаню, но он не смел произнести ни единого. Ему оставалось лишь терпеть ненависть и гнев Не Сюаня, неотступно находясь рядом, защищая и оберегая его.

<http://bllate.org/book/22060/2293779>